

Улицы, которые еще мгновение назад были полны шума, опустели. Остались лишь Чжан Сяовэй и Ли Хан.

Оба молчали, и в воздухе повисла неловкость.

В этот момент у Чжан Сяовэя зазвонил телефон. Взглянув на экран, он увидел, что это Чжан Чжи. Сначала возникло инстинктивное желание сбросить вызов, но в нынешних обстоятельствах он не хотел наживать себе еще одного врага.

— Ого, ты включил телефон? Я звонил тебе вечером несколько раз, но всё время было «абонент вне зоны доступа». Подумал, что ты нагулялся и лег спать пораньше. Вот, встал среди ночи по нужде, решил набрать — и вдруг гудки! Хе-хе, ну как, повеселились сегодня? — зачастил Чжан Чжи.

— Да, было неплохо. Телефон сел, только что зарядил и включил. Со мной всё хорошо, не волнуйся. Всё, я спать, спокойной ночи, — прошептал Чжан Сяовэй.

Положив трубку, он покосился на Ли Хана. Тот стоял, запрокинув голову и глядя на луну, слегка нахмурившись.

— Давненько я не видел такой красивой луны, — негромко произнес Ли Хан.

— И правда, очень красиво.

Чжан Сяовэй тоже поднял взгляд и увидел, что тонкий лунный серп медленно скрывается за облаком.

— У людей бывают радости и печали, расставания и встречи, а луна то скрывается, то сияет, то убывает, то полна. Эти строки Су Ши сейчас как нельзя кстати, — Ли Хан слабо улыбнулся, и в его голосе прозвучала тихая печаль.

— Одна гора, одна река, пара бабочек; одна жизнь, одна судьба, одна пара влюбленных. Принц Циму, эти стихи тоже очень хороши, — невольно вырвалось у Чжан Сяовэя.

Услышав их, Ли Хан заметно вздрогнул. Он отвел взгляд от луны и посмотрел прямо на Чжан Сяовэя.

— Ха-ха, ты всё-таки узнал. Твое отношение сегодня вечером совсем не такое, как днем. Это тоже связано с ним, верно? — с горькой усмешкой спросил Ли Хан.

Чжан Сяовэй пытался осмыслить, зачем он вообще произнес эти строки. Столь сентиментальные слова были совсем не в его духе. Неужели он на самом деле ревнует к тому,

что когда-то было между преподавателем Сюй Ци и Ли Ханом? Неужели он и правда влюбился в этого человека?

— Нет, ты всё не так понял. Я был в гостях у преподавателя Сюй Ци, случайно увидел две картины и подписи на них. А потом, вспомнив вашу странную реакцию, сложил всё воедино, — холодно ответил Чжан Сяовэй, прикусив нижнюю губу.

— Вот оно что. А я-то решил, что ты злишься на меня из-за Чжан Чжи, — Ли Хан заметно выдохнул с облегчением.

— Спасибо тебе за сегодняшний вечер. Прости, что заставил тебя столько мотаться и волноваться, — голос Чжан Сяовэя стал совсем тихим, похожим на комариный писк.

— То, что я сказал тебе днем — это не сиюминутный порыв. Я серьезен, и никто не сможет мне помешать, — Ли Хан схватил Чжан Сяовэя за плечи и произнес это по слогам. — Садись в машину, отвезу тебя спать, — добавил он тоном, не терпящим возражений.

Чжан Сяовэй покачал головой и зашагал прочь.

Ли Хан смотрел на его одинокую фигуру и вздохнул. Заведя мотор, он медленно двинулся следом. Так по дороге и тянулась эта странная процессия: машина, медленно ползущая за идущим человеком.

Добравшись до ворот общежития, Чжан Сяовэй увидел, что они закрыты. В свете дежурного фонаря было видно, что сторож в будке дремлет.

Чжан Сяовэй подошел к стеклу и постучал:

— Дяденька, я припозднился, пустите, пожалуйста.

Сторож сонно взглянул на него, махнул рукой и проворчал:

— Правила в школе общие: в одиннадцать вечера ворота закрываются. Что за дела? Жди до рассвета.

Сказав это, он снова закрыл глаза.

Тогда Ли Хан подошел к окну сторожки, вынул из кармана пачку Чжунхуа и протянул ее внутрь со словами:

— Будьте добры, сделайте исключение. Больше не повторится.

При виде сигарет глаза сторожа загорелись. Он поспешно нажал кнопку электрического замка

и забормотал:

— Сразу видно человека, знающего порядки. Ничего страшного, заходите. Если в следующий раз задержитесь, тоже открою.

Чжан Сяовэй, опустив голову, пинал камешек под ногами и тихо пробормотал:

— Спасибо.

Видя беспомощность Чжан Сяовэя, Ли Хан не удержался и погладил его по мягким волосам. Чжан Сяовэй почувствовал длинные, тонкие пальцы — это было приятно, но в следующую секунду перед глазами возникло лицо Сюй Ци, полное отчаяния. Он вздрогнул и отпрянул, словно от удара током.

— Уже поздно, возвращайся и отдыхай, — спокойно сказал он.

Ли Хан, чья рука так и осталась висеть в воздухе, неловко почесал затылок и мягко произнес:

— Хорошо, иди.

День был тяжелым, а вечер и вовсе выбил из колеи. Чжан Сяовэй чувствовал себя потерянным и хотел лишь одного — сбежать. Поэтому, не раздумывая, он бросился к корпусу общежития.

Он не увидел, как в момент, когда он отвернулся, на лице Ли Хана промелькнула грусть. Глядя в спину удаляющемуся Чжан Сяовэю, Ли Хан почувствовал горечь во рту. Постучав себя по лбу, он горько усмехнулся:

— С каких это пор я стал так зависеть от чужого расположения?

Впрочем, уже через мгновение уныние сменилось приливом бодрости. Ли Хан заметил, что Чжан Сяовэй, забежав на третий этаж, обернулся и посмотрел на него, прежде чем скрыться в коридоре. Пусть это был лишь короткий взгляд, но Ли Хан почувствовал, что ради одного этого момента стоило потратить весь этот вечер.

Он проводил взглядом силуэт Чжан Сяовэя, пока тот не исчез в темноте, а затем, довольно улыбаясь, сел в машину.

Чжан Сяовэю тоже было не по себе. Особенно в тот миг, когда он обернулся и увидел, как подавленно выглядит всегда безупречный Ли Хан — сердце словно пронзило иглой. Он не решился взглянуть еще раз и поспешил в свою комнату.

Вход в общежитие был открыт — он знал, что Линь Юй договорился с комендантом. Чжан Сяовэю стало стыдно: он знал, что Линь Юй, Гогай и остальные волнуются за него, а он накричал на Линь Юя. Это было совсем некрасиво.

Он вошел в комнату, погруженный в свои мысли. Свет горел. Стоило ему переступить порог, как Линь Юй и Боэрба синхронно отвернулись, а Гогай скорчил рожу и тоже повернулся к нему спиной.

Чжан Сяовэй похлопал Боэрба по плечу и тихо сказал:

— Бо-гэ, я был неправ.

Затем он подошел к кровати Линь Юя, слегка потряс его за плечо и взмолился:

— Линь Юй, Юй-гэ, я виноват. Честное слово, виноват. Ты человек широкий, не держи зла на ничтожного меня. Я раскаиваюсь, я напишу объяснительную, встану на колени на терку, нет, на лапшу быстрого приготовления — за каждую сломанную лапшинку день наказания!

Линь Юй прыснул со смеху, повернулся и, стараясь сохранить серьезность, проворчал:

— Ого, какие важные птицы к нам пожаловали! Староста собственной персоной, нам теперь, что ли, в ноги кланяться?

— Ладно тебе, не язви. Я был у преподавателя Сюй Ци, он напился и попросил составить ему компанию. Телефон отключил, потому что был не в духе, даже не подумал, что подниму такой шум, — объяснил Чжан Сяовэй.

— Ты бы видел, как кто-то здесь метался, места себе не находил, будто душу потерял. Нам было больно на это смотреть, так что разбирайся теперь сам, — сердито сказал Линь Юй.

— А я ведь говорил, что надо было сходить к нему домой, лучше, чем носиться как безголовая муха, — лениво отозвался Гогай.

— Мы звонили Сюй Ци, он не ответил. А братец Хан сказал, что Сяовэя там нет, вот мы и не пошли. Раз Сяовэй вернулся, дело решено, спим, — Боэрба, как всегда, был «острый на язык, но мягкий внутри».

Поблагодарив друзей, Чжан Сяовэй забрался на свою кровать. Гогай выключил свет. После бессонной ночи все трое быстро захрапели.

«Я направлял сердце к светлой луне, но луна освещает лишь Чжи. Госпожа Луна, я дома. Ты сегодня устала, отдыхай, спокойной ночи», — пришло сообщение от Ли Хана.

«Верю, что однажды луна осветит и мою сточную канаву, хи-хи», — не успел он ответить, как пришло еще одно.

«Сегодня ночью луна ясна, все глядят на нее, не зная, чье сердце терзает осенняя тоска», — Чжан Сяовэй посмотрел на тонущий в закате лунный серп и отправил ответ.

«Спи, не забивай голову. Сейчас эта осенняя тоска поселилась в 503-й комнате».

Чжан Сяовэй сжимал телефон, перечитывая сообщение. Думая о Чжан Чжи, о Ли Хане, о Сюй Ци, он ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть.

В понедельник утром была пара у преподавателя Сюй Ци. Весь предыдущий день Чжан Сяовэй провел в комнате, почти не разговаривая. Убедившись в том, что Сюй Ци и Ли Хана связывает общее прошлое, он почувствовал вину перед преподавателем. Сюй Ци прекрасно знал, как Ли Хан относится к Чжан Сяовэю, и каждое проявление внимания со стороны Ли Хана лишь усиливало это чувство вины.

Он очень беспокоился о состоянии Сюй Ци, но не знал, как завести разговор.

Когда Чжан Сяовэй, полный тревог, пришел в аудиторию, то увидел у входа Сюй Ци и с облегчением выдохнул. Преподаватель был одет в синий повседневный костюм, кремовую футболку и джинсы, на ногах — брендовые кеды. Волосы аккуратно уложены, он выглядел таким же бодрым, как всегда.

Заметив взгляд Чжан Сяовэя, Сюй Ци невольно улыбнулся. От этой улыбки по спине Чжан Сяовэя пробежал холодок — она выглядела явно вымученной.

«Неужели преподаватель Сюй Ци правда злится на меня?» — горько подумал он.

Сюй Ци включил на телевизоре фильм «Синий Юй», вкратце объяснил суть истории и вышел из аудитории. Вернулся он только под самый конец занятия. Чжан Сяовэй заметил, что его глаза снова покраснели — явно плакал.

Сидя как на иголках, он дождался конца пары. Чжан Сяовэй хотел было уйти поскорее, но Линь Юй схватил его за руку и потащил к столу, где преподаватель собирал вещи.

— Преподаватель Сюй, у вас есть время в среду вечером? — восторженно спросил Линь Юй.

— Думаю, свободен. Что-то нужно? — улыбнулся Сюй Ци.

— Конечно! В среду вечером хочу пригласить вас на ужин, а потом в караоке. Надеюсь, вы не откажетесь, — сказал Линь Юй.

— Ох, но... — Сюй Ци замялся.

Чжан Сяовэй прекрасно понимал, в чем причина его колебаний.

— Никаких «но», братец Сюй! Я впервые вас приглашаю, вы не можете ударить в грязь лицом,
— Линь Юй выглядел расстроенным.

— А может, у преподавателя правда дела? — Чжан Сяовэй дернул Линь Юя за рукав и тихо прошептал.

— Хорошо. Раз Линь Юй приглашает, я обязательно приду, — решительно произнес Сюй Ци.

Чжан Сяовэй вспыхнул. Он хотел дать преподавателю возможность отказаться, но тот сам отклонил этот шанс. Ему оставалось лишь опустить голову и замолчать.

— Решено! Тогда в назначенный день вы, братец Сюй, с Сяовэем, Гогаем и Боэрба возьмете такси, я оплачу проезд, хе-хе. Не опаздывать! — Линь Юй пришел в восторг, услышав согласие.

Сюй Ци смотрел на него с легкой улыбкой.

В среду у них было две пары английского, после чего — перерыв. Весь урок Линь Юй отсчитывал время: «Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять...» — дойдя до единицы, начинал сначала.

Чжан Сяовэй не выдержал, толкнул его локтем и прошипел:

— Если не хочешь слушать, вали через заднюю дверь. Ты мне мешаешь сосредоточиться.

— Ха, ты? Слушаешь? Даже я, который не слушал, знаю, что мы на десятой странице, а ты всё еще на восьмой. Хватит притворяться, кто знает, о чем ты там витаешь, — съязвил Линь Юй.

— Я погрузился в предмет, — парировал Чжан Сяовэй.

— Ага, ври больше, — Линь Юй фыркнул. — До конца пары пара минут, меня ждет Ван Гоюй, пойду готовиться. Потом доберетесь до отеля «Золотой блеск» вместе с братцем Сюй, Гогаем и Боэрба. Сбор в шесть, не опаздывать! И еще, помоги мне заставить Боэрба сменить одежду, которую он не стирал неделю! Это важно! У меня в шкафу есть духи и косметика, можешь прихорошиться — хотя ты и так хорош, но я не против, если ты станешь еще лучше. В конце концов, твой возлюбленный тоже придет. Ой, нет, это ты его возлюбленный! — Линь Юй показал язык и выбежал через заднюю дверь.

Чжан Сяовэй хотел было ответить, но прозвенел звонок.

По дороге в общежитие Боэрба недоумевал:

— С чего это Линь Юй вдруг решил угостить нас в «Золотом блеске»? Это же самый дорогой отель рядом со школой, а потом еще и караоке «Хуалун». Это же разориться можно!

— Да небось не сам платит. У нашего «фея» (прим. пер.: так они в шутку называют Линь Юя, «очаровашка/соблазнитель») есть талант охмурять богачей, ты-то на такое способен? — позавидовал Гогай.

— Пф, я вообще-то натурал до мозга костей, как я могу жить за чужой счет? Думаю, наш Сяовэй тоже идет по стопам «демона», тоже задатки альфонса, — сплюнул Боэрба.

— Отстаньте от меня, с чего вы меня приплели? Необязательно постоянно кричать о том, что ты натурал — твой голодный взгляд на девушек говорит сам за себя, — Чжан Сяовэй не остался в долгу.

— Поддерживаю, — довольно подытожил Гогай. — На то, как Боэрба смотрит на девчонок, смотреть противно. Хотя соглашусь и с ним — у нашего Сяовэя точно есть потенциал стать содержанкой.

— Ой, да пошли вы, флюгеры, — хором отрезали Боэрба и Чжан Сяовэй.

Гогай, увидев, что те собираются расправиться с ним, дал дёру, оставив их заливаться смехом.

— Слушай, а может, у него сегодня день рождения? — предположил Боэрба.

— Я тоже об этом подумал. Может, закажем торт? — согласился Чжан Сяовэй.

— А если не день рождения, неловко будет, — засомневался Боэрба.

— Можем взять торт с собой, оставить на стойке регистрации в отеле. Если выяснится, что день рождения — возьмем. Если нет — заберем обратно в общежитие, — предложил Сяовэй.

— Умница, так и сделаем. И давай сразу договоримся: за торт плачу я, не спорь, — распорядился Боэрба, поправляя очки.

— Вообще-то это была моя идея, почему платишь ты? — возмутился Сяовэй.

— Ой, не спорь, я же первым предложил идею про день рождения, — Боэрба тоже не собирался уступать.

— Ладно, ладно, ты победил.

Они зашли в кондитерскую.

— Что напишем на торте? — спросил Боэрба.

— «Долгих лет жизни»? Как тебе? — улыбнулся Сяовэй. — Не-не, слишком банально, наш «эльф» и так проживет долго, — Боэрба покачал головой. — Может, «Ли Сяояо, мы тебя любим»?

— Ты уверен, что после такого все смогут доесть торт? — засомневался Чжан Сяовэй. — Может, «Ли Сяояо, мы будем любить тебя вечно»?

— Пф, пускай будет так. Интересно, на двенадцатидюймовом торте поместится? — вздохнул Боэрба.

Чжан Сяовэй взял кондитерский мешочек и вывел надпись.

— О, а вышло неплохо, — похвалил Боэрба.

Забрав торт, они помчались в общежитие. Открыв дверь, Боэрба чуть не вырвало, а Чжан Сяовэй не удержался от смеха. Гогай пытался влезть в тесный пиджак: живот выпирал, пуговица едва держалась, а по швам на плечах ткань трещала. Он пытался натянуть брюки, но те застряли на бедрах.

— А-ха-ха-ха! Гогай, прекрати, я сейчас умру от смеха! — Боэрба свалился на пол.

— Хочу знать, кто отец этого ребенка у тебя в животе? — Чжан Сяовэй похлопал Гогая по пузу и нежно расстегнул пуговицу.

— Эй, ты чего! Я же с таким трудом застегнул! — Гогай попытался остановить его, дернулся, и брюки с характерным звуком «дрынь» порвались.

Все трое замерли. А через секунду хохот Чжан Сяовэя и Боэрба сотряс всё общежитие.

— Ну, вы можете быть хоть капельку добрее? Друзей нет, одни предатели, не помогаете, так еще и издеваетесь, — обиженно проворчал Гогай.

— Нет, нет, Гогай, это небо не хочет, чтобы ты это носил. Даже оно не выдержало, — давась от смеха, проговорил Боэрба.

— Снимай, ты выглядишь как комедийный персонаж, — улыбнулся Чжан Сяовэй.

Гогай обреченно стянул брюки:

— Утром еще налезали! Школьная столовая слишком хороша.

— Ты жрешь за пятерых, как свинья, конечно, ты растешь, — не упустил случая подколоть Боэрба.

— Сейчас найду тебе что-нибудь, — Чжан Сяовэй вытащил чемодан Гогая и достал мультяшный спортивный костюм. — Вот, надевай это. В костюме ты — просто катастрофа. А вот посмотри на этот, — он указал на висящий на вешалке винно-красный пиджак. — Ого, этот пиджак всегда висел здесь, упакованный в пленку, я ни разу не видел, чтобы ты его надевал. Я-то думал, ты его для красоты хранишь!

<http://bllate.org/book/21931/2278624>